

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

**БИОМОРФНАЯ МЕТАФОРА
КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ
ЭМОЦИЙ В НЕМЕЦКИХ
И РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ТЕКСТАХ**

На материале немецких и русских художественных текстов дана лингвокультурологическая характеристика концептов эмоций, выраженных такими видами биоморфной метафоры, как антропоморфная, зооморфная и флористическая. Установлено, что наиболее продуктивной является антропоморфная метафора. Выявлен высокий индекс частотности употребления глагольного типа антропоморфной и зооморфной метафор.

Ключевые слова: *метафора, персонификация, эмоция, концепт, структура, образ, экспликация, лингвокультура.*

Проблема вербализации психических констант в разных этнических сообществах релевантна не только для филологии, но в целом для гуманитарной науки – психологии, психоанализа, педагогики, социологии, культурологии и т.д. В многочисленных лингвистических изысканиях, имеющих своим предметом исследования концепты эмоций, указывается на теоретическую и практическую важность их основательного изучения [1, с. 129–132; 2; 3; 7, с. 64–68; 8]. Лингвокультурологическое изучение психической ипостаси разноэтносных языковых личностей действительно ценно, поскольку в этом случае становится возможным выяснение особенностей характера культурных предпочтений и доминант, самой специфики устройства ментального мира представителей определенной этнической общности. Сегодня ученые стремятся осмыслить социальный феномен эмоций с лингвокультурологических позиций, что, как мы понимаем, обусловлено в первую очередь активным интегрированием гуманитарных дисциплин – филологии, психологии, этнографии, культурологии.

Лингвокультурологический анализ концептов эмоций предполагает изучение их обо-

значающих и метафорически выражающих слов. Материалом для интерпретации концептов эмоций, выраженных метафорой, послужили прозаические и поэтические произведения наиболее известных немецко- и русскоязычных писателей и поэтов XVIII–XX вв.

Номинанты эмоций, используемые в художественной речи, активно метафоризируются. Известно, что в основе метафоры лежит какое-либо сравнение, определенное формальное или функциональное сходство между различными фрагментами действительности. Человеческое сознание, фиксируя подобного рода сходства, уподобляет один предмет, его признаки, в целом одно явление другому предмету или явлению. На основании такой предметно-ментальной операции, как сопоставление по аналогии, человек переносит наименование одного предмета на другой. Плененное сплошными ассоциациями, человеческое языкомышление спровоцировано поиском аналогий между фрагментами внутри «предметного» мира, с одной стороны, и фрагментами мира абстракций – с другой. Появлению в нашем языке лексикона *abstracto* предшествует наречение объектов реального, перцептивного (т.е. визуально, тактильно воспринимаемого человеком) мира. Общеизвестно, что предметные представления человека первичны; абстрактное же мышление, оязыковленное соответствующими знаками, вторично. Рождение абстракций, оперирование ими как вербализованными категориями человеческим языковым сознанием в основе имеет «мир предметов», эволюционное осмысление которых приводит *homo sapiens* к открытию многочисленных общих черт, сходств. Первичностью наречения предметного мира как раз и объясняется факт экстраполяции уже «готовых» языковых единиц на абстрактные явления человеческого бытия. Следовательно, можно утверждать, что наименования абстракций представляют собой, в сущности, свершившиеся (нередко в глубокой древности и потому забытые нами, стертые со временем в нашей коллективной семантической памяти) переносы с фрагментов оязыковленного мира.

Метафора несет в себе чрезвычайно большой прагматический потенциал, заложенный

в ее природе. Самым неожиданным образом она обнажает не известные нам ранее *отношения* между предметами мира.

Ассоциативность нашего языкомышления ведет к установлению формальных и функциональных сходств, связывающих предметы мира, к выявлению новых связей между ними. Обнаружение подобного рода ассоциативных отношений всегда культурно обусловлено: в социуме в разное время его существования легко обнаруживаются предпочтения в выборе объектов метафоры. Ими оказываются психологически в целом культурно наиболее релевантные феномены с точки зрения того/иного человеческого сообщества на конкретном историческом временном промежутке его развития. Отсюда очевидна важность лингвокультурологического анализа *косвенных* номинаций (в особенности метафорических) для изучения прежде всего духовной жизни социума.

В статье ставится задача проведения лингвокультурологического анализа концептов эмоций, выраженных в немецко- и русскоязычных художественных произведениях биоморфной метафорой. Данная метафора, по С.Г. Воркачеву, включает в себя следующие разновидности – антропоморфную, зооморфную и флористическую [2, с. 38].

Антропоморфная метафора, основу которой составляет персонификация, служит, судя по нашей картотеке примеров, наиболее высокочастотным средством экспликации эмоций как в немецком, так и в русском языке. В художественных текстах эмоции регулярно уподобляются действиям человека. Приведем примеры: *Das Grauen packte Gerda* (В. Völkner); *Die Schwermut hat hindurchgeweht* (С. Brentano); *Die Angst hatte ihn gefasst* (D. Noll); *Und dennoch flüsterte in ihm eine Trauer* (H. Mann); *Die Furcht von Tausenden schreit nach ihnen...* (R.M. Rilke); *Страх сковал его* (Д. Гранин); *И подлинно во мне печаль поет* (О. Мандельштам); *Злая печаль поселилась во мне* (Н. Никитин); *Утек страх* (Д. Гранин); *Страшный гнев вдруг бесследно исчез* (М. Шолохов); *На мельника напал настоящий страх* (В. Короленко); *Ужас нечеловеческий – чудовищный ужас сковал мое тело, сжал ледяной рукой мое горло, сдвинул к затылку кожу на моем черепе* (А. Куприн); *Страх обнял души насильников* (М. Горький); *Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска* (А. Чехов); *...И тоска неотступно грызла его* (А. Коптяева).

Значительная продуктивность использования антропоморфной метафоры в языке связана с антропоморфным характером человеческого познания. Немецкий культуролог К. Байер справедливо замечает: «Теоретические сложности познания мира возникают потому, что всякое человеческое познание антропоморфно; это значит, что оно несет на себе следы структуры наших мыслей и работы нашего мозга, определяется ими» (перевод наш. – *Н.К.*) [9, с. 14].

С точки зрения частеречной принадлежности лидирующую позицию, судя по материалу, занимает глагольный тип антропоморфной метафоры в обоих языках, что обусловлено, по нашему мнению, динамизмом данного класса слов. Уместны рассуждения в этой связи Дж. Лайонза, сопоставившего разные части речи на предмет их активности и пассивности. Он, в частности, пишет: «Быть статичным нормально для класса прилагательных, но необычно для глаголов; быть активным нормально для глаголов, но необычно для прилагательных» [4, с. 224].

Как показывает материал, субстантивные и адъективные антропоморфные метафоры, эксплицирующие эмоции, оказались менее рекуррентными как в немецких, так и в русских художественных текстах: *ein Lächeln der Freude* (R. M. Rilke); *слезы ярости* (М. Шолохов); *schwerer Kummer* (H. Fallada); *злая радость* (М. Лермонтов); *одинокая печаль* (М. Лермонтов).

Зооморфная метафора, по наблюдениям ученых, является продуктивным средством непрямого номинации во многих языках [5]. Это утверждение относится в первую очередь к языкам, обслуживающим человеческие сообщества, для которых мир фауны релевантен в силу географических, социально-исторических, хозяйственно-экономических причин. Носителям, по крайней мере, европейских языков хорошо известны многочисленные устойчивые высказывания (поговорки, афоризмы, фразеологизмы, компаративизмы и т.д.), структурными компонентами которых являются зоонимы. Данное обстоятельство, свидетельствующее об их высокой номинативной плотности, следует рассматривать как социально-психологическую релевантность конкретного феномена мира – мира животных.

Стоит заметить, что провести демаркационную линию между зооморфной и антропоморфной метафорами достаточно сложно, по-

сколькo множество предикатов в действительности оказываются актуальными в отношении и обозначения актов человеческого поведения, и наименования поведенческих реакций животных (например глаголы со значениями 1) «пространственное удаление» (*verschwinden, weggehen, исчезнуть*); 2) «физические агрессивные действия» (*angreifender Zorn, терзать*); 3) «поглощение пищи и жидкости» (*nagen, fressen, austrinken, грызть, нуть, вынуть*)).

Лингвокультурологически показательно сопоставление ряда эмоций, пользуясь терминологией психоаналитика Э. Нойманна, с «идеями пожирательства» [6, с. 41–42]. Эмоции способны физиологически поглощать человека (ср.: *Грусть-тоска меня съедает* (А. Пушкин); *...Тоска неотступно грызла его* (А. Коптяева)). По мнению ученого, «идея пожирательства» легла в основу многочисленных фигуральных, метафорических описаний самых различных фрагментов мира, в том числе и эмоциональных. По Э. Нойманну, сочетание таких слов в языке, как *пожирание, голод, смерть, пасть*, психологически не случайно. Он утверждает: «Мы до сих пор говорим, как и первобытные, о "пасти смерти", о "пожирающей войне", о "поедающей болезни"; "быть проглоченным и съеденным" является архетипом, который встречается не только во всех средневековых картинах ада и дьявола; мы сами выражаем проглатывание чего-то маленького чем-то большим теми же образами, когда говорим, что человек "поглощен" своей работой, движением или мыслью, или что его "съедает" ревность» [6, с. 42].

Зооморфная метафора, как и метафора антропоморфная, в обоих языках со структурной точки зрения наиболее частотно представлена глагольной разновидностью. В художественных текстах достаточно часто используются как компонент метафоры глаголы, обозначающие действия, поведенческие реакции животных: *Und peinigend nagt an ihm die Angst* (Н. Fallada); *Und immer tiefer fraß sich das Entsetzen neben meiner Krankheit in mir fest* (Н. Böll); *Armer Irrer, – zischt vor Ärger und Wut weiß gewordene glatzköpfige Kommissar* (W. Bredel); *Wenn der Mitternacht heiliges Grauen bang durch die dunklen Wälder hinschleicht* (С. Brentano); *Ни змия Вас не ужалят, ни печаль...* (В. Ходасевич); *Свернулась на сердце жалость...* (М. Шолохов); *И грусть на дне старинной раны зашевелилась, как змей* (М. Лермонтов). Как можно видеть, эмоции в подобных контекстах уподобляются действи-

ям животных, создающих в художественном тексте яркие образы. Так, глаголами *sitzen, ersticken, fassen, нуть, неть* номинируются изначально определенные реальные физические и физиологические фрагменты мира. Перенос же их наименований на объекты мира психического обусловлен, как можно предположить, недостаточным инвентарем специальных образных обозначений для культурных фактов. Последние обозначаются уже существующей предметной лексикой. Ее предметность «размывается» в коммуникации в силу обнаруживаемых ассоциаций между фрагментами разных миров. Известно, что образность может создаваться в речи в том числе и благодаря различным нарушениям норм употребления слов. При этом актуализируется их ассоциативный потенциал. Ассоциативность вербального знака позволяет «сцеплять», казалось бы, дистанцированные друг от друга в семиотическом пространстве на лингвокогнитивной карте смыслы. В этом состоит сущность метафорических номинаций, применяемых в особенности в отношении обозначения предметов психической (эмоциональной) действительности.

Флористическая метафора, в отличие от антропоморфной и зооморфной метафор, в проанализированных нами художественных текстах оказалась непродуктивной. Можно предположить, что данный лингвистический факт объясняется прежде всего более заметной для человеческого языкового сознания активностью живых существ, действия которых нередко аналогичны поступкам человеческим.

Подытожим изложенное выше. Структурно-семантический анализ словосочетаний, одним из компонентов которых является номинант эмоции, позволил установить, что последний достаточно легко и часто метафоризируется в немецкой и русской речи. Наиболее продуктивными, согласно результатам проведенного исследования, оказались антропоморфная и зооморфная метафоры. Высокий индекс употребления антропоморфной метафоры, которая, вероятно, наиболее распространена в любом языке (по крайней мере, в языках, обслуживающих европейские культуры), мы объясняем социально-психологической релевантностью для человека его же реальных поступков, его преобразующей действительность деятельностью. Homo loquens суть homo agens. Интроспективность человека, его психологическая склонность, природная predisposition измерять, а значит, и оценивать «вещи» сквозь призму собственного Его есть

причина активного употребления в языке антропоморфной метафоры.

Со структурной точки зрения (частеречной принадлежности) особенно продуктивен глагольный тип антропоморфной метафоры. Как самый динамичный класс слов именно глагол позволяет более эффективно, более адекватно передать эмоциональное состояние и интенции продуцента речи, эмоциогенные ситуации, которыми изобилует лингвокультурная среда нашего обитания.

Литература

1. Блинова И.С. Этнокультурная специфика концепта «старость» (на материале русского и немецкого языков) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. : Филол. науки. 2009. №5 (39). С. 129–132.
2. Воркачев С.Г. *Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии* : моногр. Волгоград: Парадигма, 2012.
3. Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
4. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
5. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М. : Наследие, 1997.
6. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М. : Рефл-бук: Ваклер, 1998.
7. Стефанский Е.Е. Отражение образа Трикстера в славянских именах эмоций // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. : Филол. науки. 2008. № 5(29). С. 64–68.
8. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : моногр. М. : Гнозис, 2008.
9. Bayer K. *Evolution. Kultur. Sprache. Eine Einführung*. Bochum, Universitätsverlag Brockmeyer, 1994.

Biomorphic metaphor as the way of explication of emotions in the German and Russian fiction

Based on the German and Russian fiction there is given the linguocultural characterization of the concepts of emotions expressed by such types of biomorphic metaphor as anthropomorphic, zoomorphic and floristic ones. There is stated that the anthropomorphic metaphor is the most productive. A high frequency usage index of the verb-like anthropomorphic and zoomorphic metaphors has been revealed.

Key words: *metaphor, personification, emotion, concept, structure, image, explication, linguistic culture.*

Ю.В. МАТОВА
(Саратов)

МЕТАФОРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (на примере номинаций творческих профессий)

Описывается метафора номинаций творческих профессий в русском языке и британском варианте английского языка в аспекте особенностей ее функционирования и регулярности использования.

Ключевые слова: социальная метафора, социальная оценка, прагматический компонент значения.

Как отмечают современные исследователи, метафорическая система языка представляет особый интерес при изучении специфического этноязыкового отражения мира [2, с. 6; 4, с. 51]. Особое место в метафорической системе языка занимает социальная метафора, поскольку продуктивность различного типа социальной лексики как источника метафоризации не раз отмечалась в литературе [1, с. 295–336; 3, с. 17–59; 6, с. 388–392; 7, с. 72, 92–93; 8, с. 94–99, 427–432]. Для исследования мы избрали одну из значимых частей социальной метафорической макросистемы – метафору профессиональной деятельности, а точнее, метафору номинаций из тематической группы «Искусство и творчество» (ТГИТ) в аспекте ее функционирования, регулярности использования в современном русском языке и британском варианте английского языка.

Материалом для исследования послужили данные толковых, семантических словарей, словарей синонимов, а также базы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Британского национального корпуса (BNC) и Оксфордского корпуса английского языка (OEC). Обращение к корпусным данным помогло обнаружить целый ряд продуктивных метафорических переносов, не отраженных в словарях.

В ходе анализа были выявлены номинации, наиболее активно используемые носителями языка в прямом и переносном лексико-семантических вариантах (ЛСВ), было обработано более 167 тыс. вхождений данных номинаций в языковые корпуса.